

ОБ ОДНОЙ ДИСКУССИИ МЕЖДУ КВЕБЕКСКИМИ СОЦИАЛЬНЫМИ АНТРОПОЛОГАМИ И ИСТОРИКАМИ

Денис Валерьевич Воробьев

Институт этнологии и антропологии РАН
32-А Ленинский пр., Москва, Россия
pakamagan@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются дебаты между квебекскими антропологами и историками. Их причиной послужил поддерживаемый историками «диспарационистский» тезис, согласно которому упоминаемые в текстах XVII в. народы атикамек и монтанье полностью исчезли к концу того же столетия под воздействием эпидемий и набегов ирокезов, а территории, на которых они жили, заняли пришлые автохтонные группы. С этой точки зрения современные инну и атикамек не являются прямыми потомками людей, живших здесь до прихода европейцев. Антропологи критикуют эту позицию и говорят о непрерывности поколений. Они видят в ней политический подтекст и отрицание «права предков» коренного населения. Автор рассматривает аргументы обеих сторон и выявляет соотношение политического подтекста проблемы и ее научной составляющей. В статье показано, что «диспарационистский» тезис не учитывает подвижность и аморфную социальную структуру таежных охотников, при которой смена одних групп другими не может свидетельствовать о разрыве между поколениями.

Ключевые слова: «диспарационизм», этнонимия, монтанье, атикамек, Рассел Бушар, Нельсон-Мартин Доусон, Поль Шарэ.

Для ссылок: Воробьев Д. Об одной дискуссии между квебекскими социальными антропологами и историками // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 113–140.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-113-140

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/051/vorobiev.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2021, NO. 51

A DISCUSSION BETWEEN QUEBECOIS SOCIAL ANTHROPOLOGISTS AND HISTORIANS

Denis Vorobiev

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32-A Leninskiy Av., Moscow, Russia
pakamagan@rambler.ru

Abstract: The article examines the debate between Quebecois anthropologists and historians around the “disparationist” thesis. According to this thesis, first expressed in several 17th century texts, the Attikamegues and Montagnais peoples had completely disappeared by the end of that century due to epidemics and Iroquois raids, and the territories in which they lived were occupied by alien autochthonous groups. Therefore, the modern Innu and Atikamekw are implied not to be the direct descendants of the people who lived here before the arrival of Europeans. Anthropologists criticize this thesis, stressing intergenerational continuity. They see it as a political notion that denies the indigenous rights of the First Nations. The author examines the critical arguments of the anthropologists and tries to reveal the relationship between the political implications of the problem and its purely scientific component. From his point of view, the “disparationist” thesis does not take into account the mobility and the relatively amorphous social structure of taiga hunters, in which even the replacement of some groups by others does not imply a break in continuity.

Keywords: disparationism, Montagnais, Atikamekw, Attikamegues, Russel Bouchard, Nelson-Martin Dawson, Paul Charest.

To cite: Vorobiev D., ‘Ob odnoy diskussii mezhdru kvebekskimi sotsialnymi antropologami i istorikami’ [A Discussion between Quebecois Social Anthropologists and Historians], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 51, pp. 113–140.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-113-140

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/051/vorobiev.pdf>

Денис Воробьев

Об одной дискуссии между квебекскими социальными антропологами и историками

В статье рассматриваются дебаты между квебекскими антропологами и историками. Их причиной послужил подерживаемый историками «диспарационистский» тезис, согласно которому упоминаемые в текстах XVII в. народы атикамек и монтанье полностью исчезли к концу того же столетия под воздействием эпидемий и набегов ирокезов, а территории, на которых они жили, заняли пришлые автохтонные группы. С этой точки зрения современные инну и атикамек не являются прямыми потомками людей, живших здесь до прихода европейцев. Антропологи критикуют эту позицию и говорят о непрерывности поколений. Они видят в ней политический подтекст и отрицание «права предков» коренного населения. Автор рассматривает аргументы обеих сторон и выявляет соотношение политического подтекста проблемы и ее научной составляющей. В статье показано, что «диспарационистский» тезис не учитывает подвижность и аморфную социальную структуру таежных охотников, при которой смена одних групп другими не может свидетельствовать о разрыве между поколениями.

Ключевые слова: «диспарационизм», этнонимия, монтанье, атикамек, Рассел Бушар, Нельсон-Мартин Друсон, Поль Шарэ.

Горячая дискуссия между квебекскими социальными антропологами и историками продолжается уже более двадцати лет. Антропологи обвиняют историков в «диспарационизме» (от фр. *disparaitre* 'исчезать'), имея в виду утверждение, что таежные алгонкинские народы атикамек и монтанье, с которыми в начале XVII в. встретились прибывшие в будущую провинцию Квебек французские поселенцы, к концу того же столетия полностью исчезли. Двумя главными причинами этого видятся катастрофические потери от эпидемий заразных болезней (оспа, корь) и опустошительные набеги ирокезских военных отрядов. К ним добавляются метисация, голод и даже деятельность миссионеров. В XVIII в. на место якобы исчезнувших атикамек и монтанье приходят другие группы из района Великих озер и бассейна залива Джеймс. Территорию атикамек занимают тет-де-буль. Этноним *монтанье* сохранился, но теперь относится к другому, пришлому, населению. Основным доказательством замены одних групп другими служит изменение в этнонимии. Весьма часто этнонимы, фигурировавшие в источниках XVII в., в следующем столетии перестают упоминаться, и вместо них появляются новые. На этом основании делается вывод, что одни народы «аннигилировались»,

Денис Валерьевич Воробьев

Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва, Россия
pakamagan@rambler.ru

а на освободившиеся место пришли другие. Еще один повод для критики (на мой взгляд, не менее важный, чем первый) дают авторы этноисторических работ, которые за каждым этнонимом видят отдельное племя, народ и даже нацию, расселенные на определенной четко фиксированной территории. Их оппоненты возражают, утверждая, что группы таежных охотников отличались высокой степенью мобильности и их этнонимия была такой же подвижной, как и они сами.

Из квебекских историков изложенных выше взглядов в той или иной степени придерживались и придерживаются Райналь Паран [Parent 1985], Морис Ратель [Ratelle 1987], Рассел Бушар [Bouchard 1995] и наиболее последовательно Нельсон-Мартин Доусон [Dawson 2001; 2003; 2005; 2011a]. Из них массивной критике подверглись только два последних автора.

Критикующие историков антропологи не отрицают ни резкого падения численности автохтонов Квебека в результате эпидемий, ни тяжелых последствий рейдов ирокезов, уводивших людей в плен и рассеивавших таежные стойбища и сообщества охотников. Однако они подчеркивают, что изменения в этнонимии вовсе не свидетельствуют об исчезновении одного народа и появлении другого. Одно и то же население в зависимости от контекста легко могло фигурировать под разными наименованиями. Поэтому нет причин говорить о полном исчезновении атикамек и монтанье. Невзирая на рассеивание алгонкинских лесных групп ирокезами, их этническая преемственность сохранилась с XVII в. до нашего времени. Во многом так произошло в силу их тесных межгрупповых связей и динамичного освоения территорий. Критика антропологов иногда излишне эмоциональна, но ее следует признать во многом справедливой. Среди антропологов особенно активную позицию в дебатах занимает Поль Шарэ [Charest 1995; 1996; 2009]. Помимо него в дискуссии участвуют Жозе Мэло [Mailhot 2004], Дени Делаж [Delâge 2007] и ряд других авторов.

Как отметил квебекский исследователь Ален Больё, диспарационистский тезис применительно к атикамек не нов, его выдвинул Норман Клермон еще в 1977 г. Ранее, в XVIII в., о почти полном уничтожении атикамек ирокезами и эпидемическими болезнями писал историк-иезуит Пьер-Франсуа-Ксавье де Шарльвуа. Однако распространение этого тезиса на монтанье — современное изобретение [Beaulieu 2000a: 543]. Действительно, такая трактовка применительно к атикамек имеет давнюю историю. Согласно Джеймсу Муни, к 1670 г. атикамек перестали существовать как этническая общность [Mooney 1907]. Более чем пятьюдесятью годами позже отчасти сходное мнение высказывал один из основателей квебекской антропологии Жак Руссо,

который не отрицал возможную преемственность между атикамек и тет-де-буль, но и не утверждал этого: «Тет-де-буль, охотничьи территории которых располагаются между бассейном [реки] Сен-Морис и [озером] Абитиби, представляют собой автономную группу, родственную монтанье, оджибве и собственноручно алгонкинам. Неизвестно, к какой из этих групп следует отнести древних атикамек, рассеянных эпидемиями на начальном этапе становления французской колонии в Канаде» [Rousseau 1960: 26]. В дальнейшем эту идею стал активно развивать франко-канадский антрополог и археолог Норман Клермон, написавший в 1974 г. статью «Кем были атикамег?». Его вывод сводился к следующему: «Вероятно, эта нация, терзаемая ирокезами и эпидемиями, исчезла как целостность к 1670–1680 годам <...>. Где-то в 1690–1700-е годы на их место придет другая группа, которую будут называть тет-де-буль. Можно предположить, что археология этого периода поможет нам более точно определить эту этническую группу, ее происхождение, ее судьбу, так же как и события, свидетельствующие о том, как тет-де-буль пришли на смену атикамег» [Clermont 1974: 71]. В то время гипотеза Клермона не вызвала критики, поскольку благоприятной почвы для нее еще не существовало.

Я рассмотрю эту дискуссию на примере монтанье, к которым диспарационистский тезис стал применяться лишь в 1990-е гг.

Насколько можно судить, начало полемики положила вышедшая в 1995 г. книга квебекского историка и общественного деятеля Рассела Бушара «Последний из монтанье: от доистории до начала XVIII в. Жизнь и смерть нации илну» [Bouchard 1995]. В том же году на книгу появилась рецензия антрополога Поля Шарэ, в которой почти не было положительных оценок [Charest 1995]. Интересующая нас критика в адрес Бушара ограничивается откликами именно на эту книгу. Его более поздние работы посвящены самоопределению и признанию территориальных прав метисов Квебека, одним из лидеров которых является он сам, и, насколько мне известно, серьезной критики не вызвали. Возможно потому, что они не имеют отношения к «первым нациям». По одной из версий острота полемики вокруг «Последнего из монтанье» связана с тем, что созданное в 2005 г. сообщество метисов Шикутими стремится уравнивать в земельных правах представителей народа инну¹ и остальных граждан региона.

¹ В связи с общей мобилизацией этнического самосознания коренного населения этноним монтанье вышел из употребления на рубеже 1990-х гг. и был заменен самоназванием *инну* 'люди'. В то же время лингвисты, в частности Труман Мичелсон, еще в начале XX в. выделили в родственных языках кри и монтанье-наскапи *l*, *n* и *u* диалекты [Michelson 1939: 71–72]. Юго-восточные группы инну говорят на диалекте *l* и называют себя *илну*, а не *инну*, как их северные соседи. Именно это и имел в виду Р. Бушар, когда использовал в заглавии своей книги этноним *илну* применительно к населению озера Сен-Жан.

Сначала Шарэ обвиняет Бушара в расизме, т.к. тот полагает, что монтанье образовали отдельную расу и исчезли в результате демографического спада и метисации с другими автохтонными группами и европейцами [Charest 1995: 245]. Далее рецензент пишет, что автор включает в состав монтанье многочисленные группы от Северного побережья залива Св. Лаврентия до устья реки Сен-Морис, но базирует свой анализ главным образом на ситуации монтанье королевства Сагеней, тогда как группы Северного побережья упоминаются лишь фрагментарно. На этой основе делается вывод об исчезновении всей «нации монтанье». Шарэ отмечает, что этническая метисация монтанье озера Сен-Жан — давно известный феномен (который относится к истории многих других автохтонных и неавтохтонных сообществ), но этот факт не служит доказательством прерывания исторической преемственности монтанье. Кроме того, Бушар пишет о монтанье одновременно как о расе, этнической группе, племени и нации (*race, ethnies, tribu, nation*), и по этой причине читателю, с точки зрения Шарэ, сложно понимать, о чем вообще идет речь. Критике подвергается использование термина *семья* в отношении и нуклеарной, и расширенной семьи, и многосемейной группы. Термин *трансюманс (transhumance)*¹ тоже плохо соответствует характеру передвижений жителей Субарктики [Ibid.: 246]. Перечень таких высказываний можно продолжить. В итоге Шарэ упрекает Бушара в отсутствии критического взгляда на источники и видит в названии его книги провокацию. И самое важное — высказывает предположение, что одна из возможных задач книги состоит в обосновании отказа современным инну в их территориальных притязаниях, поскольку их предки не были коренными жителями этих мест [Ibid.: 246–247]. Шарэ продолжает эту критику в другой своей работе. Говоря о демографии инну в XVII в., он соглашается с Р. Параном в том, что во время демографического спада из-за эпидемий и набегов ирокезов монтанье пополнили свой состав адопцией людей из других алгонкинских групп, но опровергает утверждение Бушара об исчезновении монтанье вследствие большого числа автохтонных межэтнических браков [Charest 2001: 47–48].

Безусловно, никакой расой монтанье не были. Однако, вероятно, дело не в расизме, а в использовании некорректной устаревшей терминологии. «Расы» и «племена» Бушара вполне могут быть лишь данью традиции, которая широко использовалась во франко-канадской исторической литературе до недавнего времени. В качестве примера приведу цитату из работы

¹ Термин *трансюманс* на русский можно перевести как «отгонное скотоводство». Его использование в отношении обществ таежных охотников, безусловно, вызывает вопросы.

священника и историка Антонио Драгона, посвященной деятельности тридцати миссионеров Сагеней: «Более многочисленная алгонкинская раса вела кочевой образ жизни. Она жила только охотой и рыболовством. Племена, которые ее составляли, были рассеяны по северу. В королевстве Сагеней проживала дюжина малых наций — сестер алгонкинского ствола» [Dragon 1970: 9]. Вместе с тем совпадение тезиса Бушара о том, что одной из причин «исчезновения» монтанье послужили браки между автохтонами и европейцами, и биологической концепции расы противоречит моему предположению.

Шарэ прав и в отрицании метисации монтанье в конце XVII в. Другой квебекский антрополог, Реми Савар, обратил внимание, что в результате брачных соглашений между кочевыми охотничьими группами границы их территорий могли изменяться от поколения к поколению [Savard 2004: 15]. Таким образом, применительно к монтанье неуместно вести речь о метисации, т.к. группы алгонкинского населения востока канадской Субарктики всегда состояли в отношениях обмена брачными партнерами и не становились от этого метисами. По сути, это был единый континуум монтанье-кри-наскапи-атикамек.

Критика Н.-М. Доусона Жозе Мэло в отношении монтанье

Этнолингвист Жозе Мэло провела критический анализ той части работы Н.-М. Доусона (вероятно, первой) [Dawson 2001], где речь идет не об атикамек, а о монтанье. Это отчет, написанный для компании «Гидро-Квебек», и у меня не было возможности непосредственно с ним ознакомиться. Однако именно на его основе несколькими годами позже Доусон опубликовал монографию, подвергшуюся серьезной критике [Dawson 2005]. Можно не сомневаться, что Мэло отнеслась к этой книге Доусона столь же критически, но каких-либо ее работ на этот счет мне найти не удалось.

В своей статье Мэло дает подробный разбор этнонимов *уамаиуа* и *кишестиго* — названий групп, населявших восточную и северо-восточную окраины Королевского домена и, согласно Доусону, исчезнувших к началу XVIII в. (поскольку источники перестают о них упоминать). Сначала исследовательница приводит несколько примеров этнонимической путаницы в отчете Доусона. Например, утверждение, что «кишестиго населяли не берега реки Муази, а берега реки Истмейн» [Mailhot 2004: 21]. Как известно, река Истмейн протекает в западной части Квебека и впадает в залив Джеймс, тогда как указанный этноним источники всегда связывают с Северным побережьем залива Св. Лаврентия и верховьями впадающих в него рек (Муази, Сент-Маргерит). Она также убедительно доказывает, что слово

шешедек (*Chichedec*) является не этнонимом *чишеуек* (*Tchiche8ek*) ‘люди рядом с водой’, как считает Доусон, а топонимом — названием реки Муази (из языка инну XVII в. *Tisheshestik* — Большая река) [Mailhot 2004: 23, 29].

Обратившись к наиболее информативным источникам — Режаниям иезуитов и Второму и Третьему регистрам Тадуссака, Мэло демонстрирует, что в них не упоминаются какие-либо события, которые бы свидетельствовали о гибели местного населения (умамиуа и кишестиго) и появлении на этих землях других групп из района залива Джеймс и Великих озер. Дело лишь в смене этнонимов: в XVIII в. умामीуа стали называть по топониму — «дикари Сет-Иля», а кишестиго, населявших внутренние территории и редко появлявшихся на побережье¹, — «наскапи» [Mailhot 2004: 24–29]. Как замечает исследовательница, «только на одном этом примере хорошо видно, что версия истории инну, разработанная историком Доусоном, шита белыми нитками» [Ibid.: 29].

Критика Н.-М. Доусона Дени Делажем в отношении монтанье

Социолог и историк Дени Делаж также написал весьма убедительную критическую рецензию на книгу Н.-М. Доусона [Dawson 2005]. Главную ошибку автора он видит в следующем: «Нельсон-Мартин Доусон предлагает синтез истории монтанье XVII–XVIII вв. с центральным тезисом об исчезновении первых монтанье и их замещении космополитным населением, не имеющим связи с предшествующим, но носящим такой же этноним» [Delâge 2007: 107]. По мнению Делажа, Доусон провел кропотливое исследование всех форм передвижения населения: бегства, возвращения, перегруппировки, миграции, — но при этом не учел практику экзогамии. Опровергая тезис Доусона о полной смене одних групп другими или окончательной их ассимиляции пришельцами, Делаж приводит в пример пекотов, фокс, гуронов и другие этнические сообщества, которые пережили не менее катастрофические потрясения, потери и перегруппировки, но так и не исчезли полностью. Почему в таком случае должны были исчезнуть монтанье? [Ibid.: 109]

Рецензент вполне обосновано упрекает Доусона в некритическом восприятии приводимой иезуитами этнонимии. За каждым этнонимом Доусон видит монолитное сообщество и политическое единство, поэтому, когда какой-либо этноним пере-

¹ Как и многие другие группы, характерной чертой которых было редкое появление на европейских торговых постах.

стает упоминаться в источниках или появляется новый, он делает вывод о гибели одних народов и появлении других. В реальности же часто все сводится лишь к изменениям в этнонимии в тот или иной хронологический период. Все «нации» и «народы» Доусона не что иное, как многочисленные небольшие группы, связанные сетью родства и взаимных брачных союзов. Вполне естественно, что некий индивид из одной группы имел родственников одновременно в нескольких других группах, часто располагавшихся на значительном расстоянии, скажем на другом краю обширного Квебека-Лабрадора. Иными словами, Доусон, хотя и пишет о переселениях, совсем не учитывает изначальную подвижность и мобильность таежных охотников. Согласно Делажу, неверно говорить и об утрате старого языка и появлении нового, поскольку «современный носитель языка может понимать написанные на этом языке тексты XVII в., так же как современный франкоговорящий житель Квебека еще понимает Реляцию 1634 г. о путешествии отца Ле Жёна» [Delâge 2007: 110]. Делаж отчасти прав, когда говорит об отсутствии у автора «знаний о том обществе, о котором он пишет» [Ibid.].

Следует согласиться с Делажем и в том, что Доусон со своей концепцией метисации представляет читателю, по сути, «генетическую концепцию идентичности», тогда как «маркеры идентичности могут радикально изменяться от одного периода к другому» [Delâge 2007: 111]. В итоге Делаж признает хорошо проработанной лишь тему эпидемий, периодически поражавших монтанье в XVII в., но все остальное в книге, по его мнению, «растворяется упрямым непризнанием автохтонных обществ и подспудной имперской идеологией» [Ibid.: 112].

Критика Н.-М. Доусона Полем Шарэ в отношении монтанье

Разгромный критический разбор книги Доусона дан в рецензии Поля Шарэ, по формату представляющей собой полноценную статью. В этноисторической части автор оперирует доводами, сходными с теми, которые высказал Д. Делаж, но обосновывает их более подробно и пространно. Кроме того, рецензия включает большой этнополитический раздел, в котором Шарэ последовательно доказывает, что выводы Доусона обусловлены не столько научными, сколько политическими и идеологическими причинами. Ниже я рассмотрю этот аспект подробнее, а сейчас кратко изложу этноисторическую проблематику.

Касаясь концептуальной стороны книги, Шарэ обнаруживает многочисленные понятия и термины, используемые некорректно, например *матриархальность* вместо *матрилинейности*. Он также отмечает отсутствие в рецензируемой работе четких

этнических дефиниций: ее автор ставит знак равенства между *нацией, народом и племенем*. Относительно указания Шарэ, в целом справедливого, на недопустимость использовать термин *клан*, поскольку у охотничьих народов кланов не существует [Charest 2009: 85], следует сделать уточнение: у алгонкинских охотников Субарктики кланов (родов) действительно нет, но они обнаруживаются у других северных охотничьих народов, например у некоторых северных атапасков и эвенков.

В подразделе «Терминологические интерпретации» Шарэ пишет, что, по логике Доусона, если какие-либо «племена» или «нации» перестают упоминаться в источниках и вместо них появляются новые, это свидетельствует об исчезновении первых. При таком ходе рассуждений, — иронизирует Шарэ, — можно договориться до того, будто монтанье на рубеже XX–XXI вв. исчезли, а их место заняли инну [Charest 2009: 86]. Очевидно, что такие построения автора книги не выдерживают критики.

Не со всеми упреками Шарэ можно согласиться. Доусон использует термин *chasse-gardée* для обозначения жизненно важной территории и сферы деятельности, которую стремятся всеми силами сохранить. Он пишет, что между 1550-ми и 1650-ми гг. монтанье Сагеня яростно защищали свою территорию от проникновения других групп, в том числе европейцев, чтобы монополизировать торговое посредничество, но к середине XVII в. из-за сокращения численности утратили возможность оберегать ее от проникновения пришельцев. Шарэ считает предложенный термин неприемлемым в отношении монтанье, поскольку «предположение, что несколько сотен охотников могли контролировать на протяжении столетия обширную территорию, обеспечивая непроницаемость ее границ, противоречит современным знаниям об охотниках-собирателях, которые свидетельствуют, что их территориальные границы были нечеткими, изменчивыми и их не защищали силой оружия» [Charest 2009: 85].

В отношении невозможности контролировать земли в бассейнах Сагеня и озера Сен-Жан и обеспечивать непроницаемость их границ Шарэ безусловно прав, но это не исключает существования конфликтов между локальными алгонкинскими группами или семьями из-за территорий и, самое главное, из-за ресурсов этих территорий. Важные торговые пути также могли контролироваться и охраняться с помощью оружия. В отношении таежных охотников и рыболовов этому существует множество примеров, в частности в трудах С. Шамплена и тех же Реляциях иезуитов, на которые ссылаются Доусон и Бушар. Такие примеры известны и на атапасском и сибирском материале. Атапаски чипевайан в XVIII в. долгое время осуществляли

торговое посредничество между британскими торговцами из постов на побережье Гудзонова залива и другими внутренними группами атапасков, при этом ревностно оберегали свое привилегированное положение и не подпускали к постам конкурентов [Reedy-Maschner, Herbert Maschner 1999: 711].

Интересно отметить, что Шарэ, упоминая в своих работах книгу Парана, обходит молчанием его предположение о ревностной охране индейцами бореального леса своих территориальных границ [Parent 1985: 73–74], но критикует приверженность концепции *chasse gardée* Доусона и Бушара.

Ответ Н.-М. Доусона на критику П. Шарэ

В ответной реплике Н.-М. Доусон утверждает, что как раз исследователи, связанные с университетами, наиболее зависимы: они зависят от финансирующих организаций, не свободны в научной работе и политически ангажированы. Тем самым он, по всей видимости, реагирует на замечание П. Шарэ, что его исследование было профинансировано компанией «Гидро-Квебек» [Dawson 2011b: 121–122].

Далее, отвечая на критику по существу, он вновь обращается к перечню этнонимов 1643 г. Соглашаясь с тем, что к Реляциям иезуитов обращались многочисленные исследователи задолго до него, Доусон высказывает сомнение в плодотворности их штудий: «[Н]о кто из легиона предшественников ухватил смысл этой решающе важной информации [содержащейся в перечне 1643 г. — Д.В.] для понимания автохтонной истории XVII века?» [Dawson 2011b: 121–122]. Заявление весьма самоуверенное. Тем не менее я отчасти согласен с исследователем в том, что он действительно глубоко погрузился в рассматриваемую тему, хотя не всегда могу принять его выводы. Доусон пишет, что, например, Р.Г. Твейт и Л. Кампо видели за этнонимами некие группы, которые трудно или невозможно четко идентифицировать, тогда как для него после проведенного анализа «[э]ти этнонимы уже не всего лишь пространные, банальные и ничего не значащие наименования, а окончательные данные, позволяющие идентифицировать группы, контактировавшие с монтанье, встреченными [французами. — Д.В.] в Тадуссаке, и их территориальную локализацию» [Ibid.: 122]. В итоге автор приходит к выводу (с которым категорически не согласен Шарэ) о выраженной дистанции, существовавшей между алгонкинскими обществами Субарктики. Иначе говоря, по мнению Доусона, за каждым этнонимом обязательно стояла определенная этническая группа (народ, племя) с четкими границами. Как будет показано далее на нескольких примерах, это не совсем так.

В ответ на обвинения в «диспарационизме» Доусон с иронией пишет о сформировавшемся в традиции университетской прикладной антропологии «иннуцентристском» кредо, «ритуально пропагандируемом» и способном дискредитировать любые попытки применения исторического подхода к проблеме. По его словам, в его работах не идет речь об отрицании наследственного права (*droits ancestraux*) тех групп, предки которых пришли на место исчезнувших. На основе углубленного изучения источников он лишь констатирует факт, что у многих современных групп были не те предки, которых им приписывают «прикладные антропологи», базирующиеся исключительно на данных устной истории [Dawson 2011b: 124]. Это высказывание свидетельствует о том, что обвинения Доусона в политической ангажированности не вполне справедливы, а тезис об отсутствии преемственности между атикамек и инну современными и атикамек и монтанье XVII в. соответствует его пусть и спорной, но сугубо научной позиции.

Положительные отзывы на труды

Р. Бушара и Н.-М. Доусона

Наряду с многочисленными критическими отзывами о работах Н.-М. Доусона и Р. Бушара, встречаются и положительные оценки их трудов. По понятным причинам они принадлежат историкам — их непосредственным коллегам.

Дени Вожуа (Denis Vaugeois) написал рецензию одновременно на две книги — «Последний из монтанье» Р. Бушара [Bouchard 1995] и «Последствия завоевания в королевстве Сагеней: королевский домен в имперской британской политике (1760–1767)» Н.-М. Доусона [Dawson 1996]. Рецензент совершенно справедливо отмечает великолепное знание Бушаром историографии исследуемого региона и проблемы (в чем, насколько мне известно, никто из критиков его не упрекал). Он также считает его книгу результатом серьезного исследования и замечает, что почву для научных споров дает не столько ее содержание, сколько название [Vaugeois 1998: 602].

В отличие от последующих, эта книга Доусона не стала объектом серьезной критики, поскольку в ней не идет речь об исчезновении одних групп автохтонов и приходе на их место других. Только П. Шарэ отметил, что автор не показал, как монтанье Сагеней пытались противостоять открытию их территорий для свободных торговцев. Тезис Доусона о том, что территориальные притязания монтанье никак не повлияли на принятое в итоге британскими властями решение сохранить королевскую торговую монополию в этом районе, Шарэ считает ошибочным, поскольку признание территориальных прав

автохтонов было прописано в Королевской прокламации 1763 г. По мнению рецензента, такая постановка вопроса может привести к отрицанию территориальных прав современных автохтонов Квебека [Charest 1996: 160–161]. Таким образом, исследуемая нами проблема смещается из сугубо научной плоскости в область этнополитики и идеологии, что выводит дискуссию из сферы «чистой» науки и обостряет ее накал. Согласно Д. Вожуа, напротив, в книге Доусона приведены веские доказательства пренебрежения британских властей правами коренного населения [Vaugeois 1998: 601]. Полагаю, такой вывод трудно связать с отрицанием права автохтонов на территорию.

Следует также упомянуть рецензию Г. Мишо на книгу Н.-М. Доусона «От атикамег к тет-де-буль» [Dawson 2003]. Автор рецензии, как и Доусон, рассматривает алгонкинское население востока Субарктики XVII–XVIII вв. в этническом плане как отдельные народы, имевшие свою территорию с четкими границами. Он разделяет и точку зрения Доусона об отсутствии преемственности между атикамег XVII в. и тет-де-буль XVIII в. [Michaud 2004: 203]. Мишо упоминает три исследовательских взгляда на этот вопрос, но сам склоняется к первому, согласно которому атикамег были уничтожены ирокезами и эпидемиями, и на их место пришли «номады других наций, с которыми они уже поддерживали социальные или коммерческие связи» [Ibid.: 201]. Замечу, что все сообщества, составлявшие алгонкинский континуум востока Субарктики, так или иначе поддерживали подобные связи. И в таком случае их преемственность выглядит очевидной. Мишо не только рассматривает проблему в ракурсе «чистой» науки, но и ставит вопрос о том, «[в] какой мере эти первые жители являются предками современных атикамег, притязания которых распространяются на часть верховий Сен-Мориса» [Ibid.: 201]. Для нас особенно важна завершающая часть этого вопроса, поскольку ее без особых колебаний можно интерпретировать как политическую. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку Мишо, помимо научной и преподавательской деятельности, на протяжении двадцати пяти лет работает в компании «Гидро-Квебек»¹, которой за последние сорок лет для строительства каскадов ГЭС были отторгнуты и затоплены значительные по площади охотничьи территории инну, наскапи и кри.

¹ См. информацию о нем на сайте “Éditions GID”: <<https://leseditionsqid.com/auteurs/auteur-michaud-ghislain.html>>.

О книгах Р. Бушара и Н.-М. Доусона

Ввиду резкой критики я обращусь непосредственно к книгам Рассела Бушара [Bouchard 1995] и Нельсона-Мартина Доусона [Dawson 2011a] и попытаюсь выяснить, действительно ли они столь слабы в плане научной аргументации, как это можно себе представить после прочтения рецензий, написанных П. Шарэ и другими исследователями.

В отношении книги Р. Бушара, с одной стороны, складывается впечатление, что автора трудно упрекнуть в непонимании этнического устройства сообществ охотников таежных лесов. В частности, он разделяет мнение Ж. Фортэна, согласно которому «нация монтанье» — это «конгломерат “многочисленных наций”, говорящих на “взаимопонимаемом” языке, идентифицирующих себя с территорией с гибкими границами, а их адаптивные системы могли иметь различные вариации» [Bouchard 1995: 93]. Он также признает, что «нация монтанье» — это «скорее плод рационального разума европейцев, чем реальность, в которой жили автохтоны» [Ibid.]. Представляется важным признание гибкости границ между группами охотников (чего нет, например, в работе Р. Парана), а также вариативности их адаптаций. Бушар понимает, что, по сути, монтанье не составляли «единой нации». Родственные алгонкинские группы, на которых французские колонисты распространяли этот этноним, не представляли единства.

С другой стороны, Бушар, говоря о гибкости границ отдельных групп, которые он называет «малыми нациями», преувеличивает степень их территориальности и уровень политической организации. Это, на мой взгляд, и приводит его к спорным выводам. Попытаюсь показать это на примере какушак (нации дикобразов), населявших берега озера Пьекуагами (Сен-Жан). Бушар пишет, что начиная с 1640-х гг. численность какушак неуклонно сокращалась из-за эпидемических заболеваний, а в 1660-е гг. и в результате ирокезских набегов. Последнее упоминание о них содержится в отчете миссионера Шарля Албанеля о его путешествии к Морю Севера в 1671–1672 гг. [Bouchard 1995: 99]. Действительно, эта ситуация находит широкое отражение в письменных источниках той эпохи. Однако далее Бушар делает вывод о полном исчезновении какушак и утверждает, что по берегам озера Сен-Жан «чужеземные автохтоны начали заселять территорию, оставленную ее прежними жителями» [Ibid.: 100]. И с этим уже трудно согласиться.

Суть рассуждений Бушара такова. На определенной территории проживали какушак, представлявшие собой «специфическую популяцию». Когда они ослабли и не могли больше защищать свою территорию, туда пришли другие народы и поглотили

остатки какушак. Писавший несколькими страницами выше о гибкости границ автор противоречит сам себе. Характерными чертами социального устройства таежных алгонкинских сообществ были мобильность и аморфность. Каждое из них на уровне самоидентификации, безусловно, осознавало свое отличие от соседей, однако эти группы активно взаимодействовали, были связаны тесными брачными отношениями, и появление соседних групп охотников (кстати, тоже пострадавших от эпидемий и ирокезов) вовсе не говорит об ассимиляции одного народа другим. Этническая преемственность в этом случае сохранялась.

Из многочисленных ссылок Бушара на источники приведу только один пример. Автор подчеркивает радость миссионера Франсуа де Крепьеля в октябре 1673 г. от того, что в Шикутими «недавно пришли две сотни дикарей». Трактую это событие, Бушар поясняет, что эти места совсем опустели и теперь заселяются новыми «малыми нациями» [Bouchard 1995: 100]. Обращусь непосредственно к тексту источника: «21 октября мы снялись с якоря и с попутным ветром взяли курс на Сагений. Но ночью ветер внезапно усилился, и мы оказались в смертельной опасности, так как лодка чрезвычайно сильно качалась и наполнялась водой <...>. Наконец Бог вернул нам покой, и мы прибыли в Шегутими. Там я нашел двести дикарей, которые ожидали меня. На протяжении десяти дней я их наставлял, исповедуя и причащая тех, чей возраст подходил для этих таинств» [Thwaites 1959, 59: 26]. Как видим, содержание текста не дает оснований утверждать, что эти двести человек были новопоселенцами. Вероятнее всего, окрестные охотничьи группы собрались на месте недавно возникшего торгового поста в ожидании миссионера.

В работе Бушара встречаются и более мелкие недочеты. Так, по его словам, «[в] 1651 г. Бюто достигает страны атикамег, а в следующем году Де Кэн основывает миссию Ангела-хранителя у умамиуек Северного побережья» [Bouchard 1995: 153]. В то же время Жозе Мэло, говоря о путешествии миссионера Де Кэна и нескольких инну Тадуссака «в страну умамиуек», утверждает, что это произошло на год раньше — в июне 1651 г. [Mailhot 2004: 24]. В данном случае следует признать правоту Мэло, поскольку предпринятое Де Кэном путешествие к умамиуек отмечено в Журнале иезуитов (*Journal des jésuites*) за 1651 г. [Thwaites 1959, 36: 126].

Интересна идея Бушара о том, что монтанье побережья отличались воинственностью, т.к. им приходилось отражать частые рейды «ирокезов и других народов», в то время как группы внутренних таежных районов, пользовавшиеся естественной

защитой лесов, напротив, обладали мирным нравом и находились в зависимости от групп с берегов реки Св. Лаврентия [Bouchard 1995: 96–97]. Безусловно, ни о какой зависимости групп инну внутренних территорий от групп побережья говорить нельзя. Те и другие были независимы даже от своего общего врага — ирокезов, т.к. не находились у них в подчинении, а просто страдали от их военных рейдов. Тем не менее Бушар верно отметил разницу в военно-политической системе, тактике и силе береговых и внутренних групп. Я давно задавался вопросом, почему в ранних письменных источниках (главным образом в трудах С. Шамплена и Реляциях иезуитов) четко прослеживается разница в системе власти у инну бассейна реки Св. Лаврентия, с их выборными вождями и навыками постройки и штурма фортификационных сооружений, и инну внутренних таежных районов, где существовало только стихийное лидерство на основе личных качеств в экстраординарной ситуации. Размышляя над этим и еще не зная о существовании книги Бушара, я тоже пришел к выводу, что не последнюю роль в этом сыграла частота и интенсивность набегов ирокезов. Регулярные рейды ирокезов по реке Св. Лаврентия на протяжении почти всего XVII в. заставили здешних инну выработать в ответ сложную военную организацию, как у групп Вудленда. Походы ирокезов во внутренние таежные районы были не столь интенсивны и пришлось на более короткий временной отрезок, поэтому не повлекли за собой столь кардинальных изменений (см. подробнее: [Воробьев 2006]). Я долго и тщетно пытался найти какую-либо информацию по этому поводу у различных авторов, пока наконец не обнаружил ее в книге Бушара, и выводы этого исследователя во многом совпали с моими предположениями.

Вместе с тем, трудно согласиться с Р. Бушаром, когда он объясняет военные походы ирокезов в отдаленные северные районы квебекской тайги на индейцев-мистассини стремлением подорвать их торговое могущество. По его словам, «[т]орговое влияние мистассини вызовет такое сильное беспокойство ирокезов, что за десятилетие 1660-х годов они совершат к ним несколько вторжений, чтобы разрушить их влияние среди “малых наций” и нарушить циркуляцию континентальной торговли, в которой [мистассини] были основным элементом» [Bouchard 1995: 102]. На мой взгляд, автор сильно преувеличивает значение торговли в жизни группы мистассини [Ibid.: 101]. Озеро Мистассини находится на водоразделе между бассейнами залива Св. Лаврентия и залива Джеймс. Поэтому жители его побережья не могли не участвовать в товарообмене как с монтанье Тадуссака и озера Сен-Жан, так и с группами кри залива Джеймс, но их роль как торговых посредников была существенно меньше, чем полагает Бушар. Скорее всего, военные походы

ирокезов на жителей северных лесов следует рассматривать как попытку не допустить продажу добытых теми мехов французам. Успешная мехоторговля так или иначе укрепляла положение французов, что было невыгодно враждовавшим с ними ирокезам. Подобной точки зрения относительно набегов ирокезов на мистассини придерживались квебекские исследователи Жак и Маделин Руссо [Rousseau, Rousseau 1948: 13–14], на которых Бушар, кстати, ссылается [Bouchard 1995: 103].

Анализировать книгу Р. Бушара можно долго, но я ограничусь уже сказанным и обращаюсь к выборочному разбору книги Н.-М. Доусона «Меха и леса метисируют монтанье» [Dawson 2011a]. Эта работа не вызвала такого потока критики, как предыдущая [Dawson 2005], поскольку основной акцент в ней сделан не на исчезновении монтанье, а на их смешении с французами, главным образом в XVII–XIX вв. Тем не менее складывается впечатление, что первая часть рассматриваемой книги представляет собой не что иное, как сокращенный вариант раскритикованной за диспарационизм монографии 2005 г.

Иногда Н.-М. Доусон весьма вольно обращается с содержащимися в источниках сведениями. Например, ведя речь о сражении, произошедшем между монтанье и военным отрядом ирокезов в районе озера Пекуагами (Сен-Жан) в 1665 г., рассказ о котором содержится в Реляции иезуитов за 1664–1665 гг., он пишет, что бежавший пленник сообщил своим о местонахождении ирокезского отряда с остальными пленными в устье реки Ашуапмушуан, где и произошло сражение, закончившееся победой монтанье [Dawson 2011a: 83]. На самом деле местоположение ирокезской стоянки в источнике не уточняется. Его автор Франсуа ле Мерсье говорит лишь о том, что воины быстро погрузились в каноэ и четыре дня шли до того места, где ирокезы высадились на берег, затем пошли по их следу и в итоге застали врага врасплох [Thwaites 1959, 50: 40]. За исключением упоминания весьма обширного района озера Пекуагами, привязка к каким-либо локальным топонимам в тексте отсутствует. Таким образом, событие, не получившее отражения в других источниках, могло произойти где угодно в пределах указанного района, а не обязательно именно в устье Ашуапмушуана.

В ряде случаев оказывается прав Доусон, а его постоянные оппоненты ошибаются. Так, авторство перечня этнонимов («малых наций Севера» в терминологии иезуитов), содержащегося в Реляции за 1642–1643 гг., он приписывает иезуиту Бартелми Вимону [Dawson 2011a: 22], в то время как Шарэ в более ранней статье ошибочно называл автором перечня иезуита Андре Ришара [Charest 2001: 39]. Вимон, сьюпериор миссий Новой Франции в 1639–1645 гг. [Федин 2016: 419], был соста-

вителем этой Реляции, тогда как Ришару принадлежит авторство той части восьмой главы, где сообщается о делах на полуострове Гаспе и острове Миску. Текст Ришара завершается на последней странице главы, о чем свидетельствует его подпись. Далее приводится упомянутый перечень — уже от лица составителя Реляции Вимона [Thwaites 1959, 24: 154]. Подробное изучение этого перечня, несмотря на спорные выводы, следует признать важной заслугой Н.-М. Доусона. Никто, кроме него, из известных мне авторов не уделял такого пристального внимания этому интересному документу и не анализировал его столь тщательно.

Неубедительным и требующим дополнительной аргументации выглядит утверждение Доусона, что под этнонимами *берсиамит* и *уеперигу-уауаки* (*уеперигуиеауек*) скрывается одна и та же группа [Dawson 2011a: 56–57, 117]. Исследователь базируется на единственном и весьма туманном сообщении иезуита Поля Ле Жёна от 1635 г., который пересказывает свою беседу с одной женщиной: «Она сказала мне, что люди ее нации называются уперигу уауаки, что живут они в глубинных землях ниже Тадуссака с той же стороны, что по рекам могут спуститься к большой реке Св. Лаврентия, что их товарищи не ведут никакой торговли с европейцами, что у них в изобилии водятся олени и бобры, но очень мало лосей, что они говорят на языке монтанье, что они не приходят торговать с французами только потому, что дикари Тадуссака хотят убить их, когда их встречают. Я не знаю, являются ли они теми, кого мы называем берсиамит, несколько из которых были жестоко убиты в этом году в Тадуссаке» [Thwaites 1959, 8: 40]. Как видим, сам миссионер выразил неуверенность. Тем не менее лингвист Дэвид Пентленд считает наименования *уеперигуиеауек* и *уиперигуеуауак* орфографическими вариантами этнонима *бетсиамит* [Pentland 1981: 186]. Доусон приводит еще одно упоминание из другого источника об уапирагауек, которые обитают далеко на севере, где растут такие маленькие деревья, что они не могут делать каноэ и покупают кору для этого у других групп [Dawson 2011a: 49]. Это указывает на то, что они жили где-то в зоне редкостойной северной тайги. В таком случае, возможно, речь идет не о бетсиамит, а о некоей другой группе.

Определенно ошибочно отождествление Доусоном этнонимов *умамиуек* и *убестаамиуек*. Автор констатирует это, не приводя никаких доводов [Dawson 2011a: 57, 117]. Не исключено, что он базируется на сообщении иезуита Поля Рагено, который назвал пятую главу Реляции за 1651–1652 гг., написанную им на основе отчета Жана Де Кэна, «О миссии Ангела-хранителя в стране умамиуек, или берсиамит». Мэло совершенно верно отреагировала на это предположение, написав, что отец Рагено попросту

плохо знал население Северного побережья и не видел разницы между бетсиамит и умамиуек [Mailhot 2004: 24]. Убетсамиуек справедливо будет отождествить не с умамиуек, а как раз с бетсиамит, как это сделал Пентленд [Pentland 1981: 186].

Кроме того, Н.-М. Доусон не вполне обоснованно ставит знак равенства между этнонимами *унашкапиуек*, также известным по перечню 1643 г., и *наскапи* (из источника конца XIX в.), что отражено в глоссарии его книги [Dawson 2011a: 97, 229, 301, 302]. Первый этноним может иметь отношение к некоей плохо идентифицируемой группе, тогда как второй вообще не выражает локализованную этничность, обозначая любую группу севера Лабрадора. Тем не менее в поддержку позиции Доусона можно привести утверждения других авторов. Так, Д. Пентленд отметил, что первое упоминание о наскапи, как в XIX в. называли различные северные и северо-восточные группы инну, известно в форме *унашкапиуек* (вероятно, от *unaska·hpi-wak'*) и датируется 1643 г. [Pentland 1981: 186]. П. Шарэ пишет, что наскапи впервые были упомянуты в Реляции иезуитов за 1643 г. [Charest 2001: 39] (несомненно, имеются в виду унашкапиуек). По словам Ж. Мэло, термин *наскапи* — это переделанное на французский лад наименование на диалекте инну Тадуссака *унашкапиуек* 'люди места, где что-то исчезает' [Mailhot 2004: 28–29]. Терминологическая связь между этими этнонимами существует, но, как справедливо замечают авторы статьи о наскапи в «Историческом атласе Квебека», их происхождение до сих пор представляет нерешенную проблему. В наскапи часто видят не конкретную этническую общность, а разные группы или семьи охотников, к которым это наименование на диалекте применялось в разные исторические периоды и в разных орфографических вариантах [Lévesque et al. 2001: 69–70].

Нельзя не признать, что Н.М. Доусон проделал очень большую работу, результат которой вызвал интерес и у специалистов, и у широкого круга читателей, но при этом недостаточно хорошо разобрался в сути устройства общества и условий жизни таежных охотников, каковыми были многочисленные группы, известные под общим собирательным названием *монтанье*.

Проблема политики и идеологии

Рассматриваемая дискуссия хорошо иллюстрирует, как вопрос из области истории XVII в., казалось бы, далекий от насущных проблем современности, приобретает актуальность в свете политических и идеологических тенденций. В первую очередь это касается главного «диспарационистского» тезиса, тогда как другие идеи и выводы Р. Бушара и Н.-М. Доусона, также вызвавшие неодобрительную реакцию у части квебекского антро-

пологического сообщества, почти не имеют политического подтекста. По всей видимости, именно этим объясняется, почему П. Шарэ, резко критикующий Бушара и Доусона, редко упоминает в том же контексте Р. Парана, взгляды которого очень близки к позиции двух первых исследователей.

Так, делая попытку разобраться в том, что представляет собой «нация» у коренных жителей бореальных лесов востока Канады, Паран сначала высказывает вполне здравую мысль, согласно которой одно из современных определений нации лежит в юридической плоскости, и добавляет: «Даже если номады живут в соответствии с устным юридическим кодексом, сформированным многочисленными обычаями, совершенно очевидно, что современный западный юридический порядок не может быть применим к этим народам в XVII и XVIII веках» [Parent 1985: 60]. Однако далее он все-таки находит у таежных охотников Квебека нации, согласиться с чем по меньшей мере трудно, и дает этому понятию свое определение: а) люди, составляющие нацию, имеют общее происхождение и общую историческую эволюцию; б) они четко идентифицируют себя с определенной территорией; в) представители одной нации осознают свое отличие от соседних, и те это подтверждают [Ibid.: 62]. В итоге автор обнаруживает «нацию» чуть ли не в каждом этнониме богатой и запутанной этнонимии алгонкинского континуума канадской тайги. Вместе с тем, в работах Р. Парана отсутствует главный раздражающий фактор — тезис об исчезновении монтанье и появлении на их территории других групп, к которым стали применять тот же этноним. Вероятно, именно это спасло его от резкой критики.

В известной мне литературе на русском языке тема диспарационизма была лишь обозначена Виктором Шнирельманом.

Чиня препятствия индейцам на пути к узаконению их прав на землю, чиновники иногда опираются на такой аргумент, как право первооселения. Так, утверждает, что поскольку некоторые группы коренного населения являются относительно недавними пришельцами на данных землях, то они не имеют на них законных прав. <...> В таких условиях археологические и этнологические концепции этногенеза и этнической истории приобретают большое экономическое и политическое значение, имея прямое отношение к решению животрепещущих вопросов современности, что требует от археологов и этнологов особого такта при изложении результатов своих исследований [Шнирельман 2012: 37–38].

В квебекской традиции в силу выраженных демократических тенденций организации общества проблема территориальных прав автохтонов приобрела животрепещущий характер. Когда

в середине 1970-х гг. Н. Клермон вновь ввел в научный оборот предположение Д. Муни о полном исчезновении атикамек [Clermont 1974: 71], он вряд ли предполагал, к каким горячим не только научным, но и политическим и идеологическим дебатам это приведет два десятилетия спустя, когда с тем же тезисом выступают Бушар и Доусон. Статья Клермона была написана через два года после того, как в 1972 г. жители трех автохтонных общин, населяющих верховья реки Сен-Морис, добились своего переименования: спустя триста лет их вновь стали называть не тет-де-буль, а атикамек [McNulty, Gibbert 1981: 213]. В те годы гипотеза об исчезновении атикамек еще выглядела как исключительно научная, лишенная политического подтекста. В дальнейшем с подъемом этнического самосознания коренного населения она стала приобретать политическое и идеологическое звучание. Все чаще высказывалось мнение о том, что территориальные и наследственные права принадлежат только группам, живущим на той или иной территории «с древних времен», и не должны распространяться на переселенцев. Иными словами, если атикамек и монтанье не являются прямыми потомками тех, кого встретили первые французские колонисты, и их предки пришли на эти земли только на рубеже XVII–XVIII вв., они не могут обладать территориальными и наследственными правами.

А. Больё отметил, что по канонам англо-саксонской юридической логики условием получения коренными народами прав на территорию является их проживание на этой земле с древности. Соответственно им необходимо обосновать, что люди, которых встретили здесь первые европейцы, были их непосредственными предками и эта родственная связь не прерывалась. Такая юридическая трактовка не нова и ведет отсчет со времен завоевания Новой Франции британскими войсками [Beaulieu 2000a: 542]. Если генеалогия какой-либо группы была прервана в колониальный период, группа не обладает «правом предков».

Масштабное развитие интересующей нас эпопеи началось, по-видимому, в 1996 г., когда в телерепортаже «Радио Канада» (Société Radio-Canada, SRC) журналист Поль Тутан выразил сомнение в правомерности подписанного в 1994 г. соглашения между правительством Квебека и общинами, входящими в Совет атикамек-монтанье (Conseil attikamek-montagnais). По этому соглашению общины получили территорию площадью 4000 кв. км и компенсацию 342 млн долларов. Тутан заявил, что тет-де-буль, предки современных атикамек, появились в Квебеке после прихода европейцев, поэтому их потомки не могут притязать на эти территории. Вслед за журналистом в передаче высказались историки М. Ратэль и Р. Бушар и кратко подтвердили правоту его слов. Впоследствии эту точку зрения в медиа

упрочил выпуск тележурнала SRC от 14 марта 2002 г., отсылавший к заявлению Тутана [Beaulieu 2000a: 543; Cook 2013: 63–64]. Эти события вызвали широкий общественный резонанс и возмущение в среде самих автохтонов и сочувствующих им кругах. В сложившейся ситуации «диспарационистский» тезис, даже при условии, что поддерживающие его ученые высказывают именно научную позицию, не может развиваться вне политико-идеологического контекста.

Теперь я попытаюсь ответить на вопрос, ставили ли Бушар и Доусон своей целью исключительно научные изыскания или их работы содержат идеологический подтекст, выражающий общественно-политические позиции авторов?

Рассел Бушар не только исследователь-историк, но и общественный деятель — лидер движения метисов Квебека. Участники движения также заявляют о своих наследственных и территориальных правах, но, в отличие от «первых наций», насколько мне известно, пока не получили окончательного признания на государственном уровне. Бушару принадлежит немало работ в области этнополитики, в которых он отстаивает метисную идентичность в Квебеке и признание прав «метисов Сагеня и сеньории Минган» по аналогии с правами «первых наций» [Bouchard 2006; 2008]. По замечанию М. Кука, для Квебека характерна ситуация, когда автохтоны и неавтохтоны проживают на одной территории в сельской местности, где их интересы часто пересекаются. В этих условиях неравный доступ к естественным ресурсам, например ограничение права на охоту и рыбную ловлю для одних категорий населения и отсутствие такового для других, провоцирует конфликты [Cook 2013: 66]. В этом контексте утверждение, что современные инну не прямые потомки местного доконтактного населения, а метисы, выгодно Бушару в его общественной деятельности: если инну (метисы с индигенной идентичностью) пользуются некими правами и льготами, то справедливо распространить это и на людей с метисной идентичностью.

Что касается Н.-М. Доусона, то, как уже сказано, в ответе на критику Шарэ он отверг наличие в своих исследованиях идеологической составляющей. По словам Делажа, Доусон декларирует свое право на свободное выражение идей в противовес политической ангажированности антропологов, которые больше защищают индейцев, чем истину. Делаж напоминает о связях Доусона с Министерством юстиции и компанией «Гидро-Квебек», которые продвигали гипотезу об отсутствии родства между современными индейцами и «первыми нациями», чтобы пресечь притязания аборигенов, связанные с «правом предков» [Delâge 2007: 108]. В качестве примера Делаж приводит судеб-

ный прецедент: судья А. Ламер усомнился в праве гуронов на земли Лаврентийского массива, поскольку их предки появились в этих местах только в 1650 г. Тем не менее Верховный суд это право признал на основании договора Мюррея 1760 г. между Британской короной и гуронами, по которому они имеют право заниматься на этой территории традиционным хозяйством [Delâge 2007: 108] (см. также: [Beaulieu 2000b: 60–61]). Если в этом контексте говорить об атикамек, гипотетические предки которых тет-де-буль появились в верховьях реки Сент-Морис значительно раньше, политическая составляющая проблемы «права предков» теряет актуальность.

Возникает вопрос, зачем компании, занимающейся гидростроительством, понадобился далекий от ее непосредственных интересов научный отчет Н.-М. Доусона по этноистории монтанье? Понятно, для чего был заказан отчет о природопользовании инну реки Унаман-шипю, где планировалось строительство гидроузла [Clément 2007]. Но какое значение имеют сведения по этнонимии и передвижениям алгонкинских групп на территории Квебека в XVII–XVIII вв.? У компании «Гидро-Квебек» есть интересы на землях, веками осваивавшихся автохтонами, ей выгодны этногенетические выкладки, которые позволяют не выплачивать потомкам «первых наций» огромные компенсации за изъятие под гидростроительство территории. При этом Доусон предстает в своих исследованиях как «чистый» ученый-историк, прикладной характер его работ неочевиден.

В свете всего сказанного интересной и взвешенной выглядит позиция историка и антрополога Алена Больё. С одной стороны, очевидна нелепость подхода, при котором потомки любых переселенцев оказываются пораженными в правах. В таком случае получается, что атикамек и монтанье обладают «правом предков», а лореттские гуроны нет, поскольку факт их переселения никто оспаривать не будет. С другой стороны, происходит формирование догмы, очередного табу в антропологии: больше нельзя говорить, что некая группа однажды ушла на новые земли, а другая исчезла совсем. Иначе можно прослыть расистом [Beaulieu 2000a: 545–546].

Рассмотренная дискуссия демонстрирует, как, казалось бы, исключительно научные построения и гипотезы оказываются в центре политико-идеологических споров. В этих дебатах (в их научной, а не идеологической составляющей) мне ближе позиция антропологов, хотя я признаю значимость выводов историков. Гораздо больший интерес вызывает не опровержение или подтверждение «диспарационистских» выкладок, а различия во взглядах на характер освоения таежных территорий взаимодействующими группами охотников. С моей точки

зрения, Р. Паран, Р. Бушар и Н.-М. Доусон преувеличили степень их этнической консолидации и не вполне поняли суть охотничьих коллективов, которые в силу матримониальных связей и отношений кооперации могли из года в год кардинально менять свой состав.

Библиография

- Воробьев Д.В.* Лидерство в конфликте: военные походы ирокезов на алгонкинов Лабрадора в XVII веке // Бородатова А.А., Тишков В.А. (отв. ред.). Власть в аборигенной Америке. М.: Наука, 2006. С. 439–481. (Проблемы индеанистики).
- Федин А.В.* Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII века. М.: Изд-во Ипполитова, 2016. 431 с.
- Шнирельман В.А.* Аборигенные народы, этничность и политика // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 34–44.
- Beaulieu A.* Les pièges de la judiciarisation de l'histoire autochtone // Revue d'histoire de l'Amérique française. 2000a. Vol. 53. No. 4. P. 541–551. doi: 10.7202/005323ar.
- Beaulieu A.* Les Hurons et la Conquête: un nouvel éclairage sur le “traité Murray” // Recherches amérindiennes au Québec. 2000b. Vol. 30. No. 3. P. 53–63.
- Bouchard R.* Le dernier des Montagnais: de la préhistoire au début du XVIIIe siècle. Vie et mort de la nation Innu. Chicoutimi, QC: Auto-publication, 1995. 211 p.
- Bouchard R.* La longue marche du Peuple oublié... Ethnogenèse et spectre culturel du Peuple Métis de la Boréale. Saguenay, QC: Autopublication, 2006. 214 p.
- Bouchard R.* Le Peuple métis de la Boréale. Évocation des textes fondateurs. Québec, QC: Les Éditions Cornac, 2008. 110 p.
- Charest P.* Russel Bouchard, Le dernier des Montagnais: de la préhistoire au début du XVIIIe siècle. Vie et mort de la nation Innu. Chicoutimi, s.é., 211 p., cartes, index // Anthropologie et Sociétés. 1995. Vol. 19. No. 3. P. 245–247. doi: 10.7202/015387ar.
- Charest P.* Nelson-Martin Dawson, Lendemain de conquête au royaume du Saguenay. Le domaine du roi dans la politique impériale britannique (1760–1767), Montréal, Nuit blanche, 1996, 327 p., bibliogr., chronol., doc., illustr. // Anthropologie et Sociétés. 1996. Vol. 20. No. 3. P. 160–161. doi: 10.7202/015452ar.
- Charest P.* Les Montagnais ou Innus // Duhaime G. (dir.). Le Nord: habitants et mutation. Saint-Foy, QC: Les Presses de L'Université Laval, 2001. P. 37–51. (Atlas historique du Québec).
- Charest P.* La disparition des Montagnais et la négation des droits aborigènes: Commentaires critiques sur le livre de Nelson-Martin Dawson, Feu, Fourrures, Fléaux et Foi foudroyèrent les Montagnais (2005) // Recherches amérindiennes au Québec. 2009. Vol. 39. No. 3. P. 81–95. doi: 10.7202/045806ar.
- Clément D.* Le savoir innu relatif à la Unaman-shipu: Rapport final présenté à Hydro-Québec Équipement. S.l.: S.n., 2007. X+186 p., annexes.

<<https://archives.bape.gouv.qc.ca/sections/mandats/La%20Romaine/documents/PR8.6/PR8.6.pdf>>.

- Clermont N.* Qui étaient les Attikamègues? // *Anthropologica. New Series.* 1974. Vol. 16. No. 1. P. 59–74. doi: 10.2307/25604914.
- Cook M.* Les droits ancestraux autochtones: reconnaissance et contestation. La controverse entourant l'«Approche commune» // *Recherches amérindiennes au Québec.* 2013. Vol. 43. No. 1. P. 59–68. doi: 10.7202/1024474ar.
- Dawson N.-M.* Lendemain de conquête au royaume du Saguenay: Le Domaine du roi dans la politique impériale britannique (1760–1767). Montréal, QU: Nuit Blanche, 1996. 327 p.
- Dawson N.-M.* Feu, fourrures et foi déplasèrent les Montagnais: Histoire et destin de ces tribus nomades d'après les archives coloniales. Rapport de recherche préparé pour Hydro-Québec. Sherbrooke, 2001.
- Dawson N.-M.* Des Attikamègues aux Têtes-de-Boule: Mutation ethnique dans le Haut Mauricien sous le Régime français. Sillery, QC: Septentrion, 2003. 168 p.
- Dawson N.-M.* Feu, fourrures, fléaux et foi foudroyèrent les Montagnais: histoire et destin de ces tribus nomades d'après les archives de l'époque coloniale. Sillery, QC: Septentrion, 2005. 262 p.
- Dawson N.-M.* Fourrures et forêts métisèrent les Montagnais: Regard sur les sang-mêlé au Royaume du Saguenay. Québec, QC: Septentrion, 2011a. 322 p.
- Dawson N.-M.* La disparition des Montagnais et la négation des droits aborigènes? Réaction au commentaire de Paul Charest // *Recherches amérindiennes au Québec.* 2011b. Vol. 41. No. 1. P. 121–125. doi: 10.7202/1012718ar.
- Delâge D.* Une méconnaissance butée des sociétés autochtones: Nelson-Martin Dawson, Feu, fourrures, fléaux et foi foudroyèrent les Montagnais. Histoire et destin de ces tribus nomades d'après les archives de l'époque coloniale, Québec, Septentrion, 2005, 263 p. // *Recherches socio-graphiques,* 2007. Vol. 48. No. 1. P. 107–112. doi: 10.7202/016211ar.
- Dragon A.* Trente Robes Noires au Saguenay. Chicoutimi, QC: Société historique du Saguenay, 1970. 397 p.
- Lévesque C., Rains Ch., de Yuriew D.* Les Naskapi: Peuple des grands espaces // Duhaime G. (dir.). *Le Nord: habitants et mutation.* Saint-Foy: Les Presses de L'Université Laval, 2001. P. 69–83. (Atlas historique du Québec).
- Mailhot J.* La disparition des Oumamiois et des Kichestigaux: une histoire cousue de fil blanc // *Recherches amérindiennes au Québec.* 2004. Vol. 34. No. 1: Présence autochtones de l'âge glaciaire à aujourd'hui. P. 21–30.
- McNulty G.E., Gibbert L.* Attikamek (Tête de Boule) // *Handbook of North American Indians.* Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1981. Vol. 6: Subarctic. P. 208–216.
- Michaud G.* Dawson, Nelson-Martin. Des Attikamègues aux Têtes-de-Boule, mutation ethnique dans le Haut Mauricien sous le régime français. Québec, Les Éditions du Septentrion, 2003, 238 p. // *Rabaska: Revue d'ethnologie de l'Amérique française.* 2004. Vol. 2. P. 201–203. doi: 10.7202/201660ar.

- Michelson T.* Linguistic Classification of Cree and Montagnais-Naskapi Dialects // Smithsonian Institution. Bureau of America Ethnology. Washington, D.C.: Government printing office, 1939. Bull. 123. P. 67–96. (Anthropological Papers. No. 8).
- Mooney J.* Attikamegue // Hodge F.W. (ed.). Handbook of North American Indians North of Mexico. Washington, D.C.: Government printing office, 1907. Pt. 1. P. 116.
- Parent R.* Histoire des amérindiens, du Saint-Maurice jusqu'au Labrador: de la préhistoire à 1760: Thèses et mémoires. Québec, QC: Université Laval, 1985. Vol. 1. XXVII+303 p.
- Pentland D.H.* "Synonymy", in Rogers E.S. and Leacock E.B. Montagnais-Naskapi // Handbook of North American Indians. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1981. Vol. 6: Subarctic. P. 185–189.
- Ratelle M.* Contexte historique de la localisation des Attikameks et des Montagnais de 1760 à nos jours: En 3 vols. Québec, QC: Ministère de l'Énergie et des Ressources, 1987.
- Reedy-Maschner K.L., Maschner H.D.G.* Marauding Middlemen: Western Expansion and Violent Conflict in the Subarctic // Ethnohistory. 1999. Vol. 46. No. 4. P. 703–743.
- Rousseau J.* Les premiers Canadiens // Les Cahiers des Dix. 1960. No. 25. P. 9–64.
- Rousseau M., Rousseau J.* La crainte des Iroquois chez les Mistassins // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1948. Vol. 2. No. 1. P. 13–26. doi: 10.7202/801426ar.
- Savard R.* La forêt vive: récits fondateurs du peuple innu. Montréal, QC: Boréal, 2004. 220 p.
- Thwaites R.G.* (ed.). The Jesuit Relations and Allied Documents: Travels and Explorations the Jesuit Missionaries in New France, 1610–1791: In 73 vols. N.Y.: Pageant Books, 1959.
- Vaugeois D.* Dawson, Nelson-Martin, Lendemains de conquête au royaume du Saguenay. Ledomaine du roi dans la politique impériale britannique (1760–1767) (Québec, Nuit blanche éditeur, 1996). Bouchard, Russel, Le dernier des Montagnais. De la préhistoire au début du XVIIIe siècle (Chicoutimi-Nord, 1995) // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1998. Vol. 51. No. 4. P. 601–602. doi: 10.7202/005630ar.

A Discussion between Quebecois Social Anthropologists and Historians

Denis Vorobiev

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32-A Leninskiy Av., Moscow, Russia
pakamagan@rambler.ru

The article examines the debate between Quebecois anthropologists and historians around the “disparationist” thesis. According to this thesis, first expressed in several 17th century texts, the Attikamègues and Montagnais peoples had completely disappeared by the end of that century due to epidemics and Iroquois raids, and the territories in which they lived were occupied by alien autochthonous groups. Therefore, the modern Innu and Atikamekw are implied not to be the direct descendants of the people who lived here before the arrival of Europeans. Anthropologists criticize this thesis, stressing intergenerational continuity. They see it as a political notion that denies the indigenous rights of the First Nations. The author examines the critical arguments of the anthropologists and tries to reveal the relationship between the political implications of the problem and its purely scientific component. From his point of view, the “disparationist” thesis does not take into account the mobility and the relatively amorphous social structure of taiga hunters, in which even the replacement of some groups by others does not imply a break in continuity.

Keywords: disparationism, Montagnais, Atikamekw, Attikamègues, Russel Bouchard, Nelson-Martin Dawson, Paul Charest.

References

- Beaulieu A., ‘Les Hurons et la Conquête: un nouvel éclairage sur le “traité Murray”’, *Recherches amérindiennes au Québec*, 2000, vol. 30, no. 3, pp. 53–63.
- Beaulieu A., ‘Les pièges de la judiciarisation de l’histoire autochtone’, *Revue d’histoire de l’Amérique française*, 2000, vol. 53, no. 4, pp. 541–551. doi: 10.7202/005323ar.
- Bouchard R., *Le dernier des Montagnais de la préhistoire au début du XVIIIe siècle: Vie et mort de la nation Innu*. Chicoutimi, QC: Auto-publication, 1995, 211 pp.
- Bouchard R., *La longue marche du Peuple oublié... Ethnogenèse et spectre culturel du Peuple Métis de la Boréale*. Saguenay, QC: Autopublication, 2006, 214 pp.
- Bouchard R., *Le Peuple métis de la Boréale. Évocation des textes fondateurs*. Québec, QC: Les Éditions Cornac, 2008, 110 pp.

- Charest P., 'Russel Bouchard: Le dernier des Montagnais de la préhistoire au début du XVIIIe siècle. Vie et mort de la nation Ilnu. Chicoutimi, s.é., 211 p., cartes, index', *Anthropologie et Sociétés*, 1995, vol. 19, no. 3, pp. 245–247. doi: 10.7202/015387ar.
- Charest P., 'Nelson-Martin Dawson, Lendemain de conquête au royaume du Saguenay. Le domaine du roi dans la politique impériale britannique (1760–1767), Montréal, Nuit blanche, 1996, 327 p., bibliogr., chronol., doc., illustr.', *Anthropologie et Sociétés*, 1996, vol. 20, no. 3, pp. 160–161. doi: 10.7202/015452ar.
- Charest P., 'Les Montagnais ou Innus', Duhaim G. (dir.), *Le Nord: habitants et mutation*. Saint-Foy, QC: Les Presses de L'Université Laval, 2001, pp. 37–51. (Atlas historique du Québec).
- Charest P., 'La disparition des Montagnais et la négation des droits aborigènes: Commentaires critiques sur le livre de Nelson-Martin Dawson, Feu, Fourrures, Fléaux et Foi foudroyèrent les Montagnais (2005)', *Recherches amérindiennes au Québec*, 2009, vol. 39, no. 3, pp. 81–95. doi: 10.7202/045806ar.
- Clément D., *Le savoir innu relatif à la Unaman-shipu: Rapport final présenté à Hydro-Québec Équipement*. S. l.: S. n., 2007, X+186 pp., annexes. <<https://archives.bape.gouv.qc.ca/sections/mandats/La%20Romaine/documents/PR8.6/PR8.6.pdf>>.
- Clermont N., 'Qui étaient les Attikamègues?', *Anthropologica*, new series, 1974, vol. 16, no. 1, pp. 59–74. doi: 10.2307/25604914.
- Cook M., 'Les droits ancestraux autochtones: reconnaissance et contestation. La controverse entourant l'«Approche commune»', *Recherches amérindiennes au Québec*, 2013, vol. 43, no. 1, pp. 59–68. doi: 10.7202/1024474ar.
- Dawson N.-M., *Lendemain de conquête au royaume du Saguenay: Le Domaine du roi dans la politique impériale britannique (1760–1767)*. Montréal, QU: Nuit Blanche, 1996, 327 pp.
- Dawson N.-M., *Feu, fourrures et foi déplasèrent les Montagnais: Histoire et destin de ces tribus nomades d'après les archives coloniales: Rapport de recherche préparé pour Hydro-Québec*. Sherbrooke, 2001.
- Dawson N.-M., *Des Attikamègues aux Têtes-de-Boule: Mutation ethnique dans le Haut Mauricien sous le Régime français*. Sillery, QC: Septentrion, 2003, 168 pp.
- Dawson N.-M., *Feu, fourrures, fléaux et foi foudroyèrent les Montagnais: histoire et destin de ces tribus nomades d'après les archives de l'époque coloniale*. Sillery, QC: Septentrion, 2005, 262 pp.
- Dawson N.-M., *Fourrures et forêts métissèrent les Montagnais: Regard sur les sang-mêlé au Royaume du Saguenay*. Québec, QC: Septentrion, 2011, 322 pp.
- Dawson N.-M., 'La disparition des Montagnais et la négation des droits aborigènes? Réaction au commentaire de Paul Charest', *Recherches amérindiennes au Québec*, 2011, vol. 41, no. 1, pp. 121–125. doi: 10.7202/1012718ar.
- Delâge D., 'Une méconnaissance butée des sociétés autochtones: Nelson-Martin Dawson, Feu, fourrures, fléaux et foi foudroyèrent les Montagnais. Histoire et destin de ces tribus nomades d'après les archives de l'époque coloniale', Québec, Septentrion, 2005, 263 p.', *Recherches sociographiques*, 2007, vol. 48, no. 1, pp. 107–112. doi: 10.7202/016211ar.

- Dragon A., *Trente Robes Noires au Saguenay*. Chicoutimi, QC: Société historique du Saguenay, 1970, 397 pp.
- Fedin A. V., *Iezuitskaya missiya v Novoy Frantsii v pervoy polovine XVII veka* [The Jesuit Mission in New France in the First Half of the 17th Century]. Moscow: Ippolitov Publishing House, 2016, 431 pp. (In Russian).
- Lévesque C., Rains Ch., de Yuriew D., 'Les Naskapi: Peuple des grands espaces', Duhaime G. (dir.), *Le Nord: habitants et mutation*. Saint-Foy: Les Presses de L'Université Laval, 2001. P. 69–83. (Atlas historique du Québec).
- Mailhot J., 'La disparition des Oumamiois et des Kichestigaux: une histoire cousue de fil blanc', *Recherches amérindiennes au Québec*, 2004, vol. 34, no. 1: *Présence autochtones de l'âge glaciaire à aujourd'hui*, pp. 21–30.
- McNulty G. E., Gibbert L., 'Attikamek (Tête de Boule)', *Handbook of North American Indians*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1981, vol. 6: Subarctic, pp. 208–216.
- Michaud G., 'Dawson, Nelson-Martin. Des Attikamègues aux Têtes-de-Boule, mutation ethnique dans le Haut Mauricien sous le régime français. Québec, Les Éditions du Septentrion, 2003, 238 p.', *Rabaska: Revue d'ethnologie de l'Amérique française*, 2004, vol. 2, pp. 201–203. doi: 10.7202/201660ar.
- Mooney J., 'Attikamegue', Hodge F. W. (ed.), *Handbook of North American Indians North of Mexico*. Washington, D.C.: Government printing office, 1907, pt. 1, p. 116.
- Parent R., *Histoire des amérindiens, du Saint-Maurice jusqu'au Labrador: de la préhistoire à 1760: Thèses et mémoires / Université Laval*. Québec, 1985, vol. 1, XXVII+303 pp.
- Pentland D. H., "Synonymy", in Rogers E. S. and Leacock E. B. Montagnais-Naskapi', *Handbook of North American Indians*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1981, vol. 6: Subarctic, pp. 185–189.
- Ratelle M., *Contexte historique de la localisation des Attikameks et des Montagnais de 1760 à nos jours: en 3 vols*. Québec, QC: Ministère de l'Énergie et des Ressources, 1987.
- Reedy-Maschner K. L., Maschner H. D. G., 'Marauding Middlemen: Western Expansion and Violent Conflict in the Subarctic', *Ethnohistory*, 1999, vol. 46, no. 4, pp. 703–743.
- Rousseau J., 'Les premiers Canadiens', *Les Cahiers des Dix*, 1960, no. 25, pp. 9–64.
- Rousseau M., Rousseau J., 'La crainte des Iroquois chez les Mistassins', *Revue d'histoire de l'Amérique française*, 1948, vol. 2, no. 1, pp. 13–26. doi: 10.7202/801426ar.
- Savard R., *La forêt vive: récits fondateurs du peuple innu*. Montréal, QC: Boréal, 2004, 220 pp.
- Shnirelman V. A., 'Aborigennye narody, etnichnost i politika' [Indigenous Peoples, Ethnicity and Politics], *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2012, no. 2, pp. 34–44. (In Russian).
- Thwaites R. G. (ed.), *The Jesuit Relations and Allied Documents: Travels and Explorations the Jesuit Missionaries in New France, 1610–1791: in 73 vols*. New York: Pageant Books, 1959.

- Vaugeois D., 'Dawson, Nelson-Martin, Lendemains de conquête au royaume du Saguenay. Ledomaine du roi dans la politique impériale britannique (1760–1767) (Québec, Nuit blanche éditeur, 1996). Bouchard, Russel, Le dernier des Montagnais. De la préhistoire au début du XVIIIe siècle (Chicoutimi-Nord, 1995)', *Revue d'histoire de l'Amérique française*, 1998, vol. 51, no. 4, pp. 601–602. doi: 10.7202/005630ar.
- Vorobiev D. V., 'Liderstvo v konflikte: voennye pokhody irokezov na algonkinov Labradora v XVII veke' [Leadership in Conflict: The Raids of the Iroquois on the Algonquians of Labrador in the Seventeenth Century], Borodatova A. A., Tishkov V. A. (eds.), *Vlast v aborigennoy Amerike* [Power in Aboriginal America]. Moscow: Nauka, 2006, pp. 439–481. (*Problemy indeanistiki* [Amerindian Studies]). (In Russian).